

МОИ ВСТРЕЧИ С МАЯКОВСКИМ

Неделя, 1983, июнь, № 4.

Здесь в мои воспоминания решительно впутывается сравнительная грамматика индоевропейских языков. Дело в том, что весной 1918 года я дал себе слово сдать наконец зачет по этой суровой дисциплине.

В начале марта я погрузился в сравнительную фонетику по лекциям В. К. Поржезинского, написанным, как выразился один остроумец, не на русском, а на «поржезинском» языке.

Погрузился, засох, затосковал — и потерял всякую способность понимать прочитанное. Нужно было встряхнуться. Какое счастье — в середине марта вышла «Газета футуристов», а в ней чудесный марш Маяковского — «Наш марш».

Радости пей! Пой!

В жилах весна разлита.

Эти строки поистине требовали немедленного переложения на немецкий язык...

Почему нас тянуло переводить Маяковского? Вероятно, мы чувствовали интернациональную значимость его творчества.

А потом — молчаливая признательность Владимира Владимировича тоже ведь кое-что значила.

В середине или в конце апреля мы встретились с Маяковским, и тут у него возник план интересного выступления.

1 мая 1918 года публика, шедшая по Кузнецкому мосту, остановилась перед большой афишей на дверях всегда пустовавшего днем кафе «Питтореск»...

«Мой май», — дразнили крупнейшие буквы на афише. Афиша приглашала всех желающих зайти в помещение «Питтореска» послушать поэта Маяковского. Выступление должно было начаться, кажется, в 12 часов дня. Вход был бесплатный. Не помню всего содержания афиши. Помню лишь, что составлена она была самим Маяковским, и составлена мастерски.

Врезался в память абзац, касавшийся трех неизвестных юношей: «Блестящие переводчики прочтут блестящие переводы моих блестящих произведений».

Маяковский по-английски, по-французски, по-немецки и — страшно сказать — по-старославянски. Да, да, это тоже стояло на афише, и это не было «блефом»!

Был действительно заготовлен перевод одного стихотворения Маяковского на старославянский язык. Подчеркиваю: не на позднейший церковнославянский, а на язык Кирилла и Мефодия. Ко всему этому была обещана бесплатная раздача книг Маяковского. Афиша сыграла свою роль. К началу выступления свободных мест в зале не осталось.

Маяковский начал вступительное слово. Говорил он о революции и о роли поэта в революции. Слушали его недоверчиво, настороженно. Ведь это была публика центра, а не рабочих окраин. Здесь было много тех, кто не слишком торопился «прятать» революцию. Но, устраивая в день Первого мая свой поэтический утрен-

ник, Маяковский придавал ему значение агитационное. Он хотел ударить стихом именно по этой толстокожей «интеллигенции», он стремился преодолеть инерцию выжидающих.

Маяковский кончил свою речь. Читать старославянский перевод почему-то было поручено мне, и я выучил текст наизусть. Маяковский сказал решительно: «Давайте Мефодия», — и я шагнул на эстраду.

Вот что слушал тогда странно притихший зал:

К брадобрию приход и рекох

Хошу отче да причеши ми уши...

Рядом со мной выросла надежная фигура Маяковского. Он поднял руку, и зал успокоился.

— Не понимаете? — спросил Маяковский.

— Не понимаем, — ответили в зале.

— Я тоже не понимаю.

Кто-то крикнул:

— Прочтите по-русски.

И он начал:

Вошел к парикмахеру, сказал —

спокойный:

«Будьте добры, причешите мне уши». И так далее.

Кончил. Зааплодировали.

— Понятно? — спросил Маяковский.

— Понятно! — ответили дружно.

— А говорят, Маяковский непонятен.

Есть вещи куда непонятнее. — Движением руки остановил поднявшееся в зале оживление: — Читаю стихи, понятные даже детям:

«Революция. Поэтохроника».

Читал с огромным подъемом, вдохновенно. И когда прозвучали заключительные строки:

Это над взбитой битвами пылью,
над всеми, кто грызся, в любви

изверся,

днесь

небывалой сбывается былью

социалистов великая ересь —

зал, покоренный силой и страстностью поэтического выражения, ответил овацией.

Маяковский читал еще много. Его подстегивал неожиданно громкий успех. Потом он блестяще отвечал на вопросы. Помнится, среди вопросов было несколько ехидных. Кое-кто, сдерживая с себя

поэтические чары, возвращался к своей позиции «неприятия».

Но когда Маяковский начал раздачу книг, все бросилось к эстраде. Установилась очередь. Первая очередь за книгами, которую мне пришлось видеть. На эстраде штабелями лежали: «Облако в штанах», «Война и мир», «Человек». Оранжевые, голубые, зеленые обложки. Ныне эти томики — библиографическая редкость.

Когда мы выходили, к нам подошел пожилой человек в крылатке. Отрекотендовался учителем математики и любителем поэзии. Сказал несколько комплиментов Маяковскому. Потом произнес, вздыхая: «Только зачем вы русскую грамматику ломаете?»

— Я ее не ломаю, а создаю, — ответил Маяковский. Ответил без поэмы, без высокомерия, совсем просто.

— Ну, дерзайте, молодой человек, — сказал математик и откланялся.

На улице я заметил, что Маяковский очень бледен...

1 мая 1918 года я запомнил как день, когда мне наглядно раскрылось значение политического поэта.

Политическая тема жила в нем, гледились в его сознании. Вспоминаю такой случай. Весной 1919 года (в марте или в апреле) я встретился с Маяковским, и было еще два-три гостя. Зашел разговор о «поэтическом зрении». Спорили. Потом кто-то предложил сочинять стихи на заданные рифмы с условием: изображать лишь то, что находится в данной комнате. В игре приняли участие все.

А Маяковский, единственный из всех участников игры, написал боевое политическое стихотворение. Не знаю, сохранилось ли оно в черновиках Маяковского. Я, к сожалению, помню из него только одну строчку:

...Влача колчан, Колчак тащился...

(или: катился)

На заданные рифмы Маяковский, кажется, тоже не обратил внимания. Когда же его спросили, почему он, вопреки заданию, ввел в стихи предмет, которого нет в комнате, а именно Колчака, то Маяковский постучал себя пальцем по лбу и сказал:

— А если он у меня здесь сидит, находится он в комнате или нет?

Это не только остроумная реплика. Это ответ настоящего политического поэта.